

КУЛИСА НГ

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Приложение к «НГ»

№6 (8), март 1998 г.

Выходит с ноября 1997 г.

- ★ ГОД ГОРЬКОГО. ВРЕМЯ БЕРДЯЕВА?
- ★ ПОЭМА ПАВЛА ЖЕЛЕЗНОВА О ГОРЬКОМ
- ★ ПОЗВОЛЕНО ЛИ СОЛЖЕНИЦЫНУ НЕ ЛЮБИТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО?
- ★ НЕИЗВЕСТНАЯ ТВЕРСКАЯ УЛИЦА
- ★ КАК ИРИНА АРХИПОВА ПЕЛА НИЛОВНУ
- ★ ДРАМАТИЧЕСКАЯ СУДЬБА БДТ ИМЕНИ ГОРЬКОГО
- ★ РОМАН ГУЛЬ. ПИСЬМА С ПРОСЬБАМИ

стр. 10

стр. 11

стр. 12

стр. 14

стр. 15

стр. 15

стр. 16

Стоило Пегаса

В МАЛОМ зале Центрального дома литераторов прошло собрание любителей Горького «Жизнь и смерть «океанического» человека». Заседание вел исследователь творчества писателя Вадим Баранов. Он напомнил присутствующим о том, что 125-летие Горького так же, как и нынешний юбилей, прошло не слишком замеченным. По его мнению, почти всеми «наплевать на такое огромное явление нашей культуры». В качестве отрицательного примера г-н Баранов привел деятельность издательства «Терра», в котором скороспелое и малокачественное творчество писателя Вадима Баранова было опубликовано в виде «художественных» текстов.

Горьковед все же показал свет в конце туннеля — «костры горьковского творчества, его мысли, которые не удастся погасить никому».

В сообщении Лидии Спиридоновой (ИМЛИ) Горький предстал в образе «знаменитого незнакомца», отнюдь не «буревестником революции», а неоднозначной фигурой, воплотившей противоречия эпох, в которых он жил. Эта трактовка была положена и в основу издания трех томов писем, подготовленных к печати в ИМЛИ РАН. В письмах Горький предстает перед читателем не как сформировавшийся писатель, некая каменная статуя, гордость русской советской литературы, а в развитии, становлении личности. В дискуссии также принимал живое участие некий Роман Дыбов, периодически выкрикивавший с места что-то вроде «Сталин не дурачок», и филолог Владимир Шапошников, полагающий, что вопрос о том, был ли Горький «буревестником» или не был, вообще снят с повестки дня, ибо на первый план выдвинуты общечеловеческие и чисто творческие проблемы, в частности, о роли Горького в судьбах отдельных людей, о его выступлениях против еврейских погромов, о сложности стилистических «трактовок» его произведений и т.д. Лолита Зюганова, доктор исторических наук, сравнила судьбу Алексея Максимовича с судьбой Симеона Полоцкого, который через 10 лет после смерти был предан анафеме, предложила выпустить книгу «Горький в воспоминаниях современников», включая туда его полемику с Дмитрием Философовым, Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус, и отметила, что именно через Горького нужно привлечь детей к чтению, ведь «На дне» очень трогает детские души...». Последнюю мысль поддержали Алла Айвазова, учитель русского языка и литературы, назвавшая Горького «гением Серебряного века», главный редактор журнала «Детская литература», представители телеканала «Культура» и многие другие.

50 ЛЕТ НАЗАД была переименована московская киностудия «Союздетфильм». С 1948 года она стала называться Центральной киностудией детских и юношеских фильмов имени Горького. Формальным поводом к переименованию послужило широко отмечавшийся тогда 80-летний юбилей классика советской литературы. В ознаменование юбилея было решено присвоить одной из киностудий имя Горького. На тот момент в Москве было две студии игрового кино — «Мосфильм» и «Союздетфильм», и, естественно, они не могли не конкурировать между собой. Имя великого пролетарского писателя в определенном смысле придавало вес самой киностудии. Решающим аргументом в пользу «Союздетфильма» стал тот факт, что именно здесь появилась экранизация Марка Донского трилогии Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Первая часть трилогии вышла в 1938 году, к 70-летию писателя.

«Естественно, мы не намерены убирать из названия киностудии имя Горького», — сказал главный редактор Студии Горького (таково теперь ее официальное название) Вячеслав Шмыров, — все-таки это марка, товарный знак. Хотя и праздновать его юбилей мы тоже не собираемся — по той же самой причине. Для нас сейчас имя Горького — марка, и не более, при всем уважении к писателю».

Стоило Пегаса

Сергей Шаповал

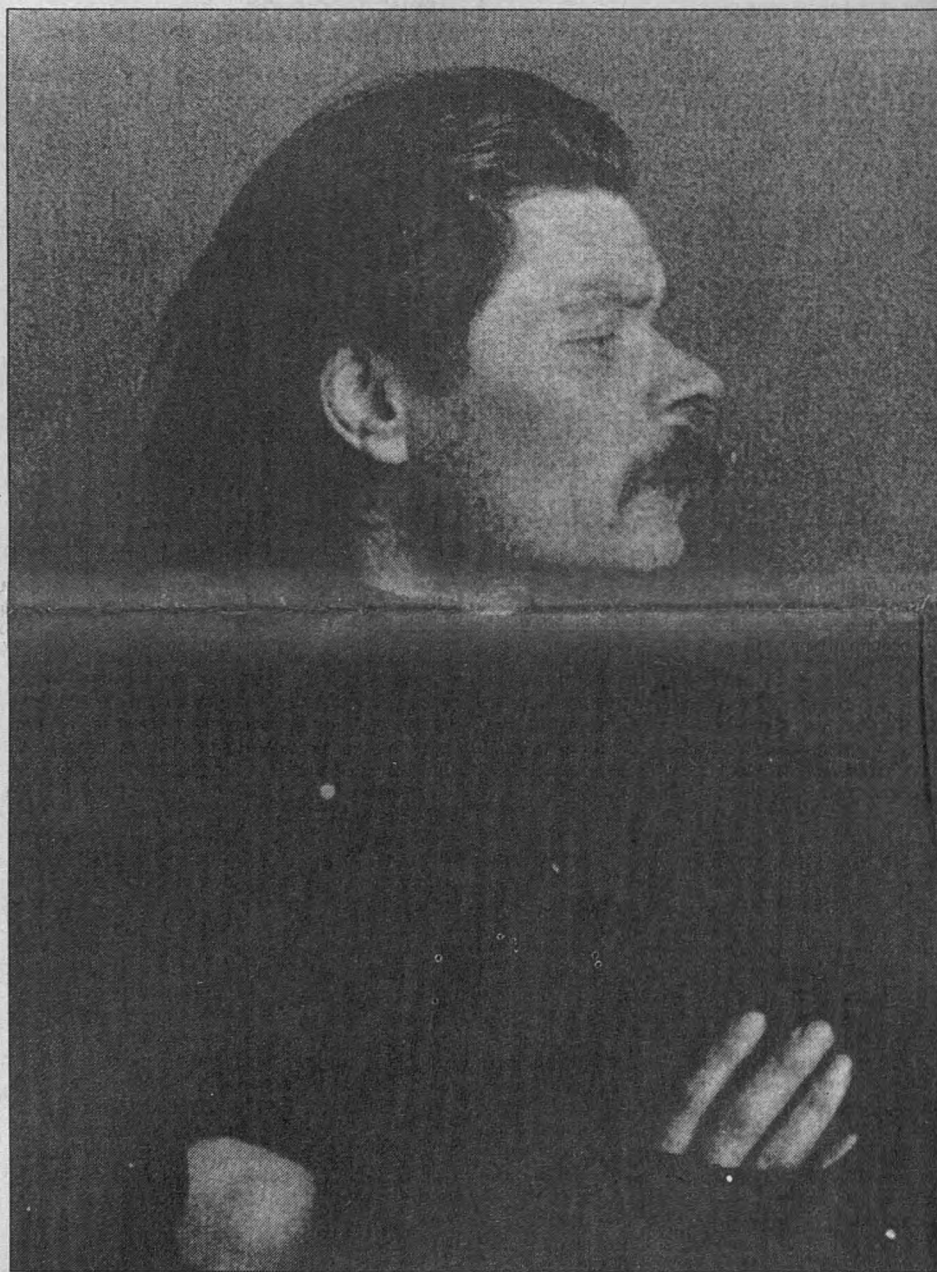
ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ, как в общих чертах вы относитесь к Горькому?

— У меня двойное отношение к Горькому, если не сказать тройное. Чем больше я сейчас путешествую по свету в связи со своей новой книжкой «Пять рек жизни», тем больше понимаю, насколько Горький был нужен России. Ростки раннего Горького я видел и на берегах Ганга, и на берегах африканских рек. Для того чтобы стать самой собой, новая интеллигенция третьего мира должна преодолеть горьковскую ступень. Я думаю, молодой Горький был абсолютно необходимым и светлым этапом в жизни России, потому что он бросил вызов всей философской непрозрачности русской литературы: вместо сложных и унылых конструкций Горький предложил веру в человека. Именно эта вера в какой-то момент национального развития очень нужна, поэтому здесь Горький не только закономерен, но просто необходим. Против такого Горького я не только не могу спорить, я его принимаю целиком и полностью. Этот человек воспринимается в своем движении по Волге, через народ, через «свои университеты», через увлечение и прочувствованное — это явление почти природное, почти течение реки. Ясно, что такой писатель привлекал наибольшее внимание к себе, произведения Горького были главными бестселлерами начала века, он затмил и Льва Толстого, и Чехова. Но такие люди не справляются ни с популярностью, ни с найденной философской темой, в результате вся их жизнь превращается в катастрофу. Горький интересен, как сказать, молодым стилем, а вот созревание его оказывается фальшивым и злобным, зрелый плод оказывается гнилым. Подоспевший большевик с его максимализмом окончательно вернул Горького в растерянность, и он проиграл все, что поначалу было для него выигрышным. Чем дальше, тем больше у меня к нему и симпатии, и сочувствия, и отвращения... Когда я приезжаю на Капри и вижу виллу, где он жил, представляю его встречи с Лениным, мне это сейчас симпатично. Я вижу человека, который вытолкнул из страны, но который нашел форму прекрасного существования на

ЧЕЛОВЕК И ПЕРСОНАЖ

Судьба Максима Горького — это увлекательный роман с великолепным началом и неожиданным концом

Академик Мельхиор де Вогюэ в своей книге «Максим Горький. Его личность и произведения», вышедшей в 1903 г. в Москве, безапелляционно утверждал: «Настоящее имя его Алексей Максимович Пешков. Мертворожденное имя, которое навсегда останется в церковных списках. Россия своего молодого любимца знает только по выбранному им боевому имени: Максим Горький».

Ольга Егосина

РОЖДЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО

В ПЕРВЫЕ в печати имя это появилось 12 сентября 1892 г. в провинциальной газете «Кавказ», где был опубликован рассказ «Макар Чудра». По воспоминаниям Горького, звучный псевдоним был придуман прямо в редакции газеты. Среди нижегородских старожилов существовало предание, что молодой автор взял в качестве псевдонима бывавшее среди волгарей прозвище своего отца Максима Савватеевича Пешкова. В эти же голы австрийский психиатр Зигмунд Фрейд разрабатывал теорию, согласно которой этот поступок однозначно истолковывался как реализация бессознательных импульсов к инцесту, получивших название «эдипова комплекса». Но изучение «бессознательного» Горького — дело специалистов. Мы же отметим, что псевдоним был выбран удачно. В нем звучала дерзкая зашифрованность, и, все чаще встречаясь на страницах провинциальных журналов, он привлекал внимание. «Однажды в газете «Нижегородский листок» среди фамилий обычных сотрудников чистители натолкнулись на оригинальную и грубо

звучащую для непривычного уха фамилию: «Максим Горький (А. Пешков)», — вспоминал крестьянский поэт Н. Иванович-Новиков. — Горькими у нас в деревне и городе — все равно — называли или запойных, или просто незадачливых. И такие прозвища обычно прилепались у нас к полуимени: «Ваня горький», «Логун-горькун» и т.д. Это определяло их удельный вес. А тут вот те на: имя полное и прозвище — рядом так ярко выплывало на показ всему миру. Это импонировало, являлось вызовом с неожиданных позиций». Употребленные мемуаристом слова: «оригинальность», «вызов», «непривычность» найдены точно и безошибочно. Именно эти эпитеты уместны в характеристике впечатления, производимого молодым Горьким на современников. Частью от бедности, частью по иным причинам его одежда весьма отличалась от общепринятой. Блузы тонкого сукна или легкой шерсти, на кокетке, со складками или отложным воротником (позднее появились тонкий ремешок с серебряным казакским наконечником). Летом полотняные козоворотки — белые и серые. Иногда надевал ботинки, чаще — легкие, ловко сшитые сапоги. Зимой носил черную барашковую шапку козусом, что еще больше увеличивало рост, а летом широкополую фетровую шляпу. Какая

(Окончание на стр. 10)

ЗАВОРОЖЕННЫЙ СЛАВОЙ

Горький — живая натура, сочетающая подлость и талант, считает писатель Виктор Ерофеев

Виктор Ерофеев (р. 1947) известен не только как писатель, но и как литературовед и литературный критик. Диапазон его работ довольно широк — от академических, посвященных Льву Шестову, Василию Розанову, Владимиру Набокову и др., до вызвавших скандальный резонанс статей «Поминки по советской литературе», «Место критики», «Русские цветы зла». Кто-то считает Ерофеева не более чем эпатажником, кто-то восхищается глубиной и жесткостью его суждений.

татором о чем-нибудь хорошем договорюсь. Все-таки Горьким руководил не знаменитый «горьковский гуманизм», а, прямо скажем, любовь плетя к власти. Чего стоит потрясающий эпизод, когда умирающего Горького навещает политбюро во главе со Сталиным, и он оживает, а потом еще целую неделю как бы кормится воздухом этой встречи! Это просто лебединая песня плетя! Человек, который с детства боялся полицейского, в конце концов должен стать его другом. Такая же судьба, кстати, постигла и Эльзу Пресли, который, как выяснилось, в конце жизни стал агентом ФБР, можно сказать, почетным агентом. Горький стал почетным агентом советской власти.

— По всей видимости, Горький обладал какой-то магией. О нем написано много воспоминаний, одно дело — записки бездарей и завистников, с удовольствием пересказывавших слухи, и совсем другое — теплые рассказы о Горьком таких людей, как Холмский, Берберова, которых не упрекнешь в чудовищной беззастенчивости... — Дело в том, что интеллигент в первом поколении — это всегда химера, это набор масок. Он постоянно их примеряет, постоянно ищет, во что бы воплотиться. Эти колебания — и в стиле письма, и в жизни — становятся незаурядными, когда человек очень талантлив, как Горький. К тому же у него просто всмятку были разбиты представления об объективных ценностях. С Ницше он не справился, но также он не справился с Богом. Человек, который выделяет огромное количество художественной энергии и не верит в абсолютные ценности, превращается в машину с настолько сильно раскрученным

маховиком, что он может эту машину разнести на куски. Писатель, не верящий в Бога, — это монстр. Это касается того, о чем мы меня спросили: такой писатель превращается в человека с тысячько лев.

— Какие произведения Горького вы могли бы отнести к литературе в нормальном смысле этого слова?

— Автобиографическую трилогию, ранние рассказы. Хотя они написаны корявым стилем, в них содержится молодая энергия, которая очень важна для литературы. Кроме того, Горький очень интересный мемуарист. Его воспоминания о Толстом — пожалуй, лучшее, что написано о Толстом. Вообще все его мемуарные очерки я читал с большим интересом. Там, где он описывает фактуру человеческой жизни, он очень силен... Сказать о Горьком «противоречивая фигура» — это ничего не сказать.

— Как раз вокруг противоречивости фигуры идут длительные и острые споры, душа жаждет ясности и абсолютности суждений, что, по-настоящему. Кто-то рассуждает по схеме «с одной стороны — с другой стороны», кто-то не может считать Горького писателем именно из-за всех его противоречий.

— То, о чем мы сейчас говорите, мне напоминает, что мы — дети великой русской литературы, которая делила всех героев на агентов жизни и агентов смерти. Мы всегда знали, что Наташа Ростова — героиня положительная, хотя почему мы так считали, до конца непонятно. Толстой, видимо, составлял слова таким образом, что Наташа была положительной, а кто-то другой — отрицательной. Позиция «либо так, либо так» в философии называется манихейством, мы, по су-

ти, являемся поклонниками этого радикального учения. В свое время Выготский призвал не подходить к оценке Гамлета со схемой «положительный — отрицательный». Гамлет интересен как раз загадкой своих поступков. С Горьким то же самое. Если мы из него будем выделять 30 процентов положительного и 70 процентов отрицательного, то это тоже будет манихейство, но уже на уровне вивисекции. Это сильная, живая натура, сочетающая и подлость, и талант, этим она и привлекает внимание.

— Есть еще позиция Солженицына, вышедшая изнутри те лагеря, которые благословил Горький. После этого он не считал возможным оценивать произведения Горького как факт культуры.

— Если в какой-то семье изнасиловали дочь, то понятно, как люди относятся к изнасилованию: о нем не говорят так же, как в доме повешенного о веревке. Это вызывает и уважение, и некие сакральные чувства, но это не означает, что такая точка зрения верна. Это означает, что в этот момент жизнь распорядилась таким жестоким образом. Так что правда Солженицына весьма сакральна, но ситуативна... Во время войны была правда — убей немца. Представьте себе, что мы бы сейчас ходили и убивали немцев на улицах Москвы.

— Не повторяете ли вы в своей последней работе опыт молодого Горького: он — «по Руси», вы — по миру?

— Это совсем другое, хотя я, конечно, думаю о Горьком. Но у Горького первейшая рефлексия, стремление снять пенки с увиденного и, таким образом, понять, в чем суть России. Я, идя на Нитер, на Ганг, говорю не об исключительности русской энергии, а о

УЖЕ ОПЯТЬ МОЖНО

Индульгенция хулителям Горького

130-ЛЕТИЮ со дня рождения выдающегося русского писателя, одного из бесспорных гениев мировой литературы XX века Максима Горького посвящен этот выпуск «Кулисы НГ».

Сейчас, как и многое по-настоящему великое из нашей истории, Горький на родине не в моде. Это естественно. Время политической и духовной пошлости, расцвет массовой эпидемии идеологической смены политического пола не благоприятствуют честности даже в таком очевидном деле, как оценка литературного таланта.

И тогда люди, не умеющие внятно пересказать впечатление первых лет своей жизни, поносят автора «Детства», «В людях» и «Мои университеты», книг, которым нет не то что равных, а даже просто аналогов во всей послегорьковской русской литературе. Люди, не способные уловить сюжет в пять страниц, охаивают создателя целого корпуса великолепных рассказов. Люди, создавшие две-три «авторские пьесы», реплики персонажей в которых можно без ущерба для «содержания» передавать от одного героя к другому, насмеяются над горьковской драматургией, по объему и качеству идущей как минимум вслед за Островским и Чеховым. Люди, рассуждающие о судьбах России в XX веке, творности революции и благостности превращенного ею пути, критикуют автора «Жизни Климата Самгина», до сих пор лучшего в XX веке романа о русской жизни и русской интеллигенции.

И — самое поразительное — люди, молчавшие при Брежнев, в лучшем случае злопосудившие о нем на своих кухнях, поднимают руку и язык на автора «Несовременных мыслей», человека, пережившего гнет и свободу царизма, а затем свободу и гнет коммунизма. Трепещущие от имени Ельцина не просят Горькому пиетет перед Сталиным!

Горький не нуждается в оправдании. В творчестве — безусловно. В жизни его он нуждается в объяснении, но только как всякий мощный в целом, слабый в некоторых своих деталях характер, уставший от виланного, пережитого и сделанного, тогда как другие, не столько видевшие, пережившие и тем более не столько сделавшие, давно уже сломались и превратились в заурядных обывателей любого над ними поставленного режима.

«Независимая газета» взяла под свою слабую опеку Максима Горького. Да, бывают моменты, когда и гигант нуждается в этом — если карлики одолевают его нудным, но массовым своим воим и покусом.

Свергнутый с логотипа «Литературной газеты» профиль Горького мы с радостью от представившегося нам этим «нижевержением» случая вознесли в свой логотип. Спасибо тем, кто сделал это возможным. От Горького — не убудет, а нам — гордость.

Весь этот юбилейный год мы будем вести тему Горького в «НГ» и «Кулисы», да и вне их, посылно участвуя в череде не по масштабу юбилея скромных мероприятий.

Нынешним же осмелевшим по разрешению и от привычки к трусости инспираторам Горького я хочу только сообщить: уже вышло — до вас только не дошло, ибо пока секретное — распоряжение новой власти. Горького опять можно хвалить. Это не будет препятствием для вашей политической и литературной карьеры. Это вновь не грех.

А прошлые на этой стезе ваши грехи я вам отпущаю. Даже с припущком, на будущее, для тех, кто не сумеет быстро вновь перестроиться. Уже опять можно!

Виталий ТРЕТЬЯКОВ

том, что Бог един. Но не в системе Троицы, а в системе мирового пантеона. Если мы усвоим эту идею, она может нас уберечь от очень многих грехов, особенно если страна рванет вперед в смысле экономическом и общественном. Россия — страна архаическая, страна фетишей и тотемов, и если мы станем богатыми, идея, что мы лучше всех, нас может поломать просто ужасно. А я, по крайней мере в Москве, уже вижу ростки новой российской гордыни. Наши с Горьким задачи прямо противоположны. Горькому надо было найти сущность народного самосознания, и он ее очень ярко показал, это одно из самых замечательных описаний неевропейской сущности русского самосознания. Сейчас у нас излет архаического мышления, я очень боюсь, что, входя в цивилизацию, мы можем зацепиться хвостом за архаику, тогда мы будем выглядеть просто чудовищем. Горький своим указанием на то, что мы неевропейцы, может сейчас помочь не бояться признать этот факт. Нам из нашей «неевропейскости» надо сделать очень тонкие выводы...

Я сейчас на канале «Культура» делаю программу «Апокриф. Литература и...», недавно мы снимали передачу «Литература и ночная жизнь». Я прошел через божьих, уличных проституток, нищих и так поднимался до уровня гадеробовиков шикарных заведений, барменов, стриптизерок, спрашивал их о России, литературе. Меня совершенно ошеломило то, что все говорят: мы лучше всех. После этого заходишь в туалет, там все кабинки заняты и все эти самые лучшие горьковские блюют. Если мы не разрушим это сочетание, то мы заблудим весь мир...

— Какие уроки из жизненного и литературного творчества Горького вы извлекли?

— Я думаю, основной урок: нужно холодно относиться к славе. Это как раз то, что у Горького не получилось. Слава его заворочала. Он пытался это скрывать, но тем не менее это так. Пример Горького показывает, что писателю надо быть не только умным в смысле — хитрым, но и умным в смысле — развитого интеллекта. Как раз этого ума у него не хватало. Горький — один из примеров неумного талантливого писателя. У него был колоссальный жизненный опыт, но он с ним не справился, не сумел подняться до его настоящего осмысления.